

Возвращение Чорба. Стихи. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> приятного чтения!

Возвращение Чорба. Стихи. Владимир Владимирович Набоков

[1]

От счастья влюбленному не спится
От счастья влюбленному не спится;
стучат часы, купцу седому снится
в червонном небевычерченный кран,
спускающийся медленно над трюмом;
мерещится изгнанникам угрюмым
в цвет юности окрашенный туман.
В волненье повседневности прекрасной,
где б ни был я, одним я обуян,
одно зовет и мучит ежечасно:
на освещенном острове стола
граненый мрак чернильницы открытой,
и белый лист, и лампы свет, забытый
под куполом зеленого стекла.
И поперек листа полупустого
мое перо, как черная стрела,
и недописанное слово.

1928

Берлин

Тихий шум

Когда в приморском городке,
среди ночи пасмурной, со скуки
окно откроешь, вдалеке
прольются шепчущие звуки.
Прислушайся и различи
шум моря, дышащий на сушу,
оберегающий в ночи
ему внимающую душу.
Весь день невнятен шум морской,
но вот проходит день незванный,
позванивая, как пустой
стакан на полочке стеклянной.
И вновь в бессонной тишине
открой окно свое пошире,
и с морем ты наедине
в огромном и спокойном мире.
Не моря шум – в тиши ночной
иное слышно мне гуденье:
шум тихий родины моей,
ее дыханье и биенье.
В нем все оттенки голосов
мне милых, прерванных так скоро,
и пенье пушкинских стихов,
и ропот памятного бора.
Отдохновенье, счастье в нем,
благословенье над изгнаньем.
Но тихий шум не слышен нам
за суетой и дребезжаньем.
Зато в полночной тишине
внимает долго слух неспящий
стране родной, ее шумящей,
ее бессмертной глубине.

1929

Ле Булю

Кирпичи

Ища сокровищ позабытых
и фараоновых мощей,
ученый в тайниках разрытых
набрел на груды кирпичей,
среди которых был десяток
совсем особенных: они
хранили беглый отпечаток

Возвращение Чорба. Стихи. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

босой младенческой ступни,
собачьей лапы и копытца
газели. Многие из них
лихому времени простится –
безрукий мрамор, темный стих,
обезображенные фрески...
Как это было? В синем блеске
я вижу красоту песков.
Жара. Полуденное время.
Еще одиннадцать веков
до звездной ночи в Вифлееме.
Кирпичик спит, пока лучи
пекут, работают беззвучно.
Он спит, пока благополучно
на солнце сохнут кирпичи.
Но вот по ним дитя ступает,
отцовский позабыв запрет,
то скачет, то перебегает,
невольный вдавливая след,
меж тем как, вокруг него играя,
собака и газель ручная
пускаются вперегонки.
Внезапно – окрик, тень руки:
конец летучему веселью.
Дитя с собакой и газелью
скрывается. Все горячей
синее небо. Сохнут чинно
ряды лиловых кирпичей.
Улыбка вечности невинна.
Мир для слепцов необъясним,
но зрячим все понятно в мире,
и ни одна звезда в эфире,
быть может, не сравнится с ним.
1928

Почтовый ящик
Когда весеннее мечтанье
влечет в синеющую мглу,
мне назначается свиданье
под тем каштаном на углу.
Его цветущая громада
туманно звездами сквозит.
Под нею – черная ограда,
и ящик спереди прибит.
Я приникаю к самой щели,
ловлю волнующийся гам,
как будто звучно закипели
все письма, спрятанные там.
Еще листов не развернули,
еще никто их не прочел...
Гуди, гуди, железный улей,
почтовый ящик, полный пчел.
Над этим трепетом и звоном
каштан раскидывает кров,
и сладко в сумраке зеленом
сияют факелы цветов.
1925

Прелестная пора
В осенний день, блистая как стекло,
потрескивая крыльями, стрекозы
над лугом вьются. В Оредежь глядится
сосновый лес, и тот, что отражен, –
яснее настоящего. Опавшим
листом шурша, брожу я по тропам,
где быстрым, шелковистым поцелуем
луч паутины по лицу пройдет
и вспыхнет радугой. А небо – небо
сплошь синее, насыщенное светом,
и нежит землю, и земли не видит.

Возвращение Чорба. Стихи. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Задумчивый, в усадьбу возвращаюсь.
В гостиной печь затоплена, и в вазах
мясистые теснятся георгины.

Пишу стихи, валяясь на диване,
и все слова без цвета и без веса –
не те слова, что в будущем найдет
воспоминанье. В комнате соседней
играют в бикс: прерывисто, по капле,
по капельке сбегает тонкий звон.
Как перед тем, чтоб на зиму уехать,
в гербарий, на шершавую страницу
кладешь очаровательно-увядший
кленовый лист, полоскою бумаги
приклеиваешь стебель, пишешь дату,
чтоб вновь раскрыть альбом благоуханный
да вспомнить деревенский сад, найдя
багряный лист, оранжевый по краю, –
так, некогда, осенний ясный день
я сохранил и ныне им любуюсь.

1926

Снимок

На пляже в полдень лиловатый,
в морском каникулярном раю
снял купальщик полосатый
свою счастливую семью.
И замирает мальчик голый,
и улыбается жена,
в горячий свет, в песок веселый,
как в серебро, погружена.
И полосатым человеком
направлен в солнечный песок,
мигнул и щелкнул черным веком
фотографический глазок.
Запечатлела эта пленка
все, что могла она поймать:
оцепеневшего ребенка,
его сияющую мать,
и ведерцо, и две лопаты,
и в стороне песчаный скат.
И я, случайный соглядатай,
на заднем плане тоже снят.
Зимой в неведомом мне доме
покажут бабушке альбом,
и будет снимок в том альбоме,
и буду я на снимке том:
мой облик меж людьми чужими,
один мой августовский день,
моя не знаемая ими,
вотще украденная тень.

1927

Бинц

Аэроплан

Как поет он, как нежданно
вспыхнул искрою стеклянной,
вспыхнул и поет,
там, над крышами, в глубоком
небе, где блестящим боком
облако встает.
В этот мирный день воскресный
чуден гул его небесный,
бархат громовой.
И у парковой решетки,
на обычном месте, кроткий
слушает слепой:
губы слушают и плечи –
тихий сумрак человеческий,
обращенный в слух.
Неземные реют звуки.

Возвращение Чорба. Стихи. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Рядом пес его со скуки
щелкает на мух.
И прохожий, деньги вынув,
замер, голову закинув,
 смотрит, как скользят
крылья сизые, сквозные
по лазури, где большие
 облака блестят.

1926

Крушение

В поля, под сумеречным сводом,
сквозь опрокинувшийся дым
прошли вагоны полным ходом
за паровозом огненным:
багажный – запертый, зловещий,
где сундуки на сундуках,
где обезумевшие вещи,
проснувшись, бухают впотьмах –
и четырех вагонов спальных
фанерой выложенный ряд,
и окна в молниях зеркальных
чредою беглою горят.
Там штору кожаную спустит
дремота, рано подоспев,
и чутко в стукотне и хрусте
отыщет правильный напев.
И кто не спит, тот глаз не сводит
с туманных впадин потолка,
где под сквозящей лампой ходит
кисть задвижного колпака.
Такая малость – винт некрепкий,
и вдруг под самой головой
чугун бегущий, обод цепкий
соскочит с рельсы роковой.
И вот по всей ночной равнине
стучит, как сердце, телеграф,
и люди мчатся на дрезине,
во мраке факелы подняв.
Такая жалость: ночь росиста,
а тут – обломки, пламя, стон...
Недаром дочке машиниста
приснилась насыпь, страшный сон:
там, завывая на изгибе,
стремилось сонмище колес,
и двое ангелов на гибель
громадный гнали паровоз.
И первый наблюдал за паром,
смеясь, переставлял рычаг,
сияя перистым пожаром,
в летучий вглядывался мрак.
Второй же, кочегар крылатый,
стальною чешуей блистал,
и уголь черною лопатой
он в жар без усталости метал.

1925

Святки

Под окнами полозья
пропели, – и воскрес
на святочном морозе
серебряный мой лес.
Средь лунного тумана
я залу отыскал.
Зажги, моя Светлана,
свечу между зеркал.
Заплавает по тазу
дрожащий огонек.
Причаливает сразу
ореховый челнок.

Возвращение Чорба. Стихи. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

и в зале, где блистает
под люстрой паркет,
пускай нам погадает
наш старенький сосед.
Все траурные пики
накладывает он
на лаковые лики
оранжевых бубен.
Ну что ж, моя Светлана?
Туманится твой взгляд...
Прелестного обмана
нам карты не сулят.
Сам худо я колдую,
а дедушка в гробу,
и нечего седую
допрашивать судьбу.
В смеркающемся блеске
все уплывает вдаль –
хрустальные подвески
и белая рояль.
И огонек плавучий
потух, и ты исчез
за сумрачные тучи,
серебряный мой лес.
Расстрел
Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать,
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.
Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.
Закрыв руками грудь и шею, –
вот-вот сейчас пальнет в меня –
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.
Оцепенелого сознания
коснется тиканье часов,
благополучного изгнания
я снова чувствую покров.
Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг.
1927

Берлин

Гость

Хоть притупилась шпага, и сутулей
вхожу в сады, и запылен
мой черный плащ, – душа все тот же улей
случайно-сладостных имен.
И ни одна не ведает, внимая
моей заученной мольбе,
что рядом склеп, где статуя немая,
воспоминанье о тебе.
О, смена встреч, обманы вдохновенья.
В обманах смысл и сладость есть:
не жажда невозможного забвенья,
а увлекательная месть.
И вот душа вздыхает, как живая,
при убедительной луне,
в живой душе искусно вызывая
все то, что умерло во мне.
Но только с ней поникну в сумрак сладкий
и дивно задрожит она,
тройным ударом мраморной перчатки
вдруг будет дверь потрясена.

Возвращение Чорба. Стихи. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и вспомнится испанское сказанье,
и тяжело из загробных стран
смертельное любви воспоминанье
войдет, как белый великан.
Оно сожмет, тожественно, без слова,
мне сердце дланью ледяной,
и пламенные пропасти былого
вдруг распахнутся предо мной.
Но, не поняв, что сердцу нежеланна,
что сердце темное мертво,
доверчиво лепечет Донна Анна,
не видя гостя моего.

1924

La Bonne Lorraine[2]
Жгли англичане, жгли мою подругу,
на площади в Руане жгли ее.
Палач мне продал черную кольчугу,
клювастый шлем и мертвое копье.
Ты здесь со мной, железная святая,
и мир с тех пор стал холоден и прост:
косая тень и лестница витая,
и в бархат ночи вбиты гвозди звезд.
Моя свеча над ржавою резьбою
дрожит и каплет воском на ремни.
Мы, воины, летали за тобою,
в твои цвета окрашивая дни.
Но опускала ночь свое забрало,
и, молча выскользнув из лат мужских,
ты, белая и слабая, сгорала
в объятьях верных рыцарей твоих.

1924

Берлин

Годовщина

В те дни, дай Бог, от краю и до краю
гражданская повеет благодать:
все сбудется, о чем за чашкой чаю
мы на чужбине любим погадать.
И вот последний человек на свете,
кто будет помнить наши времена,
в те дни на оглушительном банкете,
шалая от волненья и вина,
дрожащий, слабый, в дряхлом умиленье
поднимется... Но нет, он слишком стар:
черта изгнанья тает в отдаленье,
и ничего не помнит юбиляр.
Мы будем спать, минутные поэты;
я, в частности, прекрасно буду спать,
в бою случайном ангелом задетый,
в родимый прах вернувшийся опять.
Библиофил какой-нибудь, я чую,
найдет в былых, не нужных никому
журналах, отпечатанных вслепую
нерусскими наборщиками, тьму
статей, стихов, чувствительных романов
о том, как Русь была нам дорога,
как жил Петров, как странствовал Иванов
и как любил покорный ваш слуга.
Но подписи моей он не отметит:
забыто все. И, Муза, не беда.
Давай блуждать, давай глазеть, как дети,
на проносящиеся поезда,
на всякий блеск, на всякое движенье,
предоставляя выпренным глупцам
бранить наш век, пенять на сновиденье,
единый раз дарованное нам.

1926

Сирень

Ночь в саду, послушная волненью,

Возвращение Чорба. Стихи. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
нарастающему в тишине,
потянулась, дрогнула сиренью,
серой и пушистой при луне.
Смешанная с жимолостью темной,
всколыхнулась молодость моя.
И скользнула, при луне огромной,
белизной решетчатой скамья.
И опять на листья без дыханья
пали грозди смутной чередой.
Безымянное воспоминанье,
не засни, откройся мне, постой.
Но едва пришедшая в движенье
ночь моя, туманна и светла,
как в стеклянной двери отраженье,
повернулась плавно и ушла.
1928

Паломник

Ю. И. Айхенвальду

Хозяин звезд, и ветра зычного,
и вьющихся дорог,
бог-виноградарь, бог коричневый,
смеющийся мой бог,
позволь зарю в стакан мой выдавить,
чтобы небесный хмель
понес, умчал меня за тридевять
синеющих земель.
Я возвращусь в усадьбу отчую
среди клеверных полей;
дом обойду, зерном попотчую
знакомых голубей.
Дни медленные, деревенские...
Ложится жаркий свет
на скатерть и под стулья венские
решеткой на паркет.
Там в доме с радужной верандой,
с березой у дверей,
в халате старом проваландаю
остаток жизни сей.
Но часто, ночью, гул бессонницы
нахлынет на постель,
тряхнет, замрет и снова тронется,
как поезд сквозь метель.
И я тогда услышу: вспомни-ка
рыдающий вагон
и счастье странного паломника,
чья Мекка там, где он.
Он рад бывал, скитаясь по миру,
озерам под луной,
вокзалам громовым и номеру
в гостинице ночной.
О, как потянет вдруг на яркую
чужбину, в дальний путь,
как тяжело к окну прошаркаю,
как захочу вернуть
все то дрожащее, весеннее,
что плакало во мне,
и – всякой яви совершеннее –
сон о родной стране.

1927

Сновиденье

Будильнику на утро задаю
урок, и в сумрак отпускаю,
как шар воздушный, комнату мою,
и облегченно в сон вступаю.
Меня берет – уже во сне самом –
как бы вторичная дремота.
Туманный стол. Сидящих за столом

Возвращение Чорба. Стихи. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

не вижу. Все мы ждем кого-то.
фонарь карманный кто-то из гостей
на дверь, как пистолет, наводит.
и, ростом выше и лицом светлей,
убитый друг со смехом входит.
я говорю без удивленья с ним,
живым, и знаю, нет обмана.
со лба его сошла, как легкий грим,
смертельная когда-то рана.
мы говорим. Мне весело. Но вдруг –
заминка, странное стесненье.
меня отводит в сторону мой друг
и что-то шепчет в объясненье.
но я не слышу. Длительный звонок
на представление созывает:
будильник повторяет свой урок,
и день мне веки прорывает.
лишь миг один неправильный на вид
мир падает, как кошка, сразу
на все четыре лапы, и стоит,
знакомый разуму и глазу.
но, Боже мой, – когда припомнишь сон,
случайно, днем, в чужой гостиной,
или, сверкнув, придет на память он
пред оружейною витриной,
как благодарен силам неземным,
что могут мертвые нам сниться.
как этим сном, событием ночным,
душа смятенная гордится!

1927

Прохожий с елкой
на белой площади поэт
запечатлел твой силуэт.
домой, в непраздничный мороз,
ты елку черную понес.
пальто российское до пят.
калоши по снегу скрипят.
с зубчатой елкой на спине
ты шел по ровной белизне,
сам черный, сгорбленный, худой,
уткнувшись в ворот бородой,
в снегах не наших площадей,
с немецкой елочкой своей.
и в поэтический овал
твой силуэт я врисовал.

1925

Тень
к нам в городок приехал в гости
бродячий цирк на семь ночей.
блистали трубы на помосте,
надулись щеки трубачей.
на площадь, убранную странно,
мы все глядели – синий мрак,
собор святого Иоанна
и сотня пестрая зевак.
дыханье трубы затаили,
и над бесшумною толпой
вдруг тишину переступили
куранты звонкою стопой.
и в вышине, перед старинным
собором, на тугой канат,
шестом покачивая длинным,
шагнул, сияя, акробат.
курантов звон, пока он длился,
пока в нем пребывал Господь,
как будто в свет преобразился
и в вышине облекся в плоть.
стена соборная щербата

Возвращение чорба. Стихи. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и ослепительна была;
тень голубая акробата
подвижно на нее легла.
Все выше над резьбой портала,
где в нише – статуя и крест,
тень угловатая ступала,
неся свой вытянутый шест.
И вдруг над башней с циферблатом,
ночною схвачен синевою,
исчез он с трепетом крылатым –
прелестный облик теневой.
И снова заиграли трубы,
меж тем как, потен и тяжел,
в погасших блестках, гаер грубый
за подаяньем к нам сошел.
1925

Шварцвальд

Солнце

Слоняюсь переулками без цели,
прислушиваюсь к древним временам:
при Цезаре цикады те же пели,
и то же солнце стлалось по стенам.
Поет платан, и ствол в пятнистом блеске;
поет лавчонка; можно отстранить
легко звенящий бисер занавески:
поет портной, вытягивая нить.
И женщина у круглого фонтана
поет, полощет синее белье,
и пятнами ложится тень платана
на камни, на корзину, на нее.
Как хорошо в звенящем мире этом
скользя плечом вдоль меловых оград,
быть русским заблудившимся поэтом
среди лепета латинского цикад!
19 августа 1923

Солье-Пон

Сны

Странствуя, ночуя у чужих,
я гляжу на спутников моих,
я ловлю их говор тусклый.
Роковых я требую примет:
кто увидит родину, кто нет,
кто уснет в земле нерусской.
Если б знать. Ведь странникам даны
только сны о родине, а сны
ничего не переменят.
Что таить – случается и мне
видеть сны счастливые: во сне
я со станции в имение
еду, не могу сидеть, стою
в тарантасе тряском, узнаю
все толчки весенних рытвин,
еду, с непокрытой головой,
белый, что платок твой, и с душой,
слишком полной для молитвы.
Господи, я требую примет:
кто увидит родину, кто нет,
кто уснет в земле нерусской.
Если б знать. За годом валит год,
даже тем, кто верует и ждет,
даже мне бывает грустно.
Только сон утешит иногда.
Не на области и города,
не на волости и села,
вся Россия делится на сны,
что несметным странникам даны
на чужбине, ночью долгой.
1926

Комната

Вот комната. Еще полуживая,
но оживет до завтрашнего дня.
Зеркальный шкаф глядит, не узнавая,
как ясное безумье, на меня.
В который раз выкладываю вещи,
знакомлюсь вновь с причудами ключей;
и медленно вся комната трепещет,
и медленно становится моей.
Совершенно. Все призвано к участию
в моем существовании, каждый звук:
скрип ящика, своею доброй пастью
пласты белья берущего из рук.
И рамы, запирающейся плохо,
стук по ночам – отмщенье за сквозняк,
возня мышей, их карликовый грохот,
и чей-то приближающийся шаг:
он никогда не подойдет вплотную;
как на воде за кругом круг, идет
и пропадает, и опять я чувствую,
как он вздохнул и двинулся вперед.
Включаю свет. Все тихо. На перину
свет падает малиновым холмом.
Все хорошо. И скоро я покину
вот эту комнату и этот дом.
Я много знал таких покорных комнат,
но пригляжусь, и грустно станет мне:
никто здесь не полюбит, не запомнит
старательных узоров на стене.
Сухую акварельную картину
и лампу в старом платье сквозном
забуду сам, когда и я покину
вот эту комнату и этот дом.
В другой пойду: опять однообразность
обоев, то же кресло у окна..
Но грустно мне: чем незаметней разность,
тем, может быть, божественней она.
И может быть, когда похолодеем
и в голый рай из жизни перейдем,
забывчивость земную пожалею,
не зная, чем обставить новый дом...

1926

Мать

Смеркается. Казнен. С Голгофы отвалив,
спускается толпа, вьется между олив,
подобно медленному змию;
и матери глядят, как под гору, в туман
увещающий уводит Иоанн
седую, страшную Марию.
Уложит спать ее и сам приляжет он,
и будет до утра подслушивать сквозь сон
ее рыдания и томленье.
Что, если у нее остался бы Христос
и плотничал, и пел? Что, если этих слез
не стоит наше искупленье?
Воскреснет Божий Сын, сияньем окружен;
у гроба, в третий день, виденье встретит жен,
вотще купивших ароматы;
светящуюся плоть ощупает Фома,
от веянья чудес земля сойдет с ума,
и будут многие распяты.
Мария, что тебе до бреда рыбарей!
Неосвязаемо над горестью твоей
дни проплывают, и ни в третий,
ни в сотый, никогда не вспрянет он на зов,
твой смуглый первенец, лепивший воробьев
на солнцепеке, в Назарете.

1925

Возвращение Чорба. Стихи. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Берлин

Весна

Помчал на дачу паровоз.
Толпою легкой, оробелой
стволы взбегают на откос:
дым засквозил волною белой
в апрельской пестроте берез.
В вагоне бархатный диванчик
еще без летнего чехла.
У рельс на желтый одуванчик
садится первая пчела.
Где был сугроб, теперь дырявый
продолговатый островок
вдоль зеленеющей канавы:
покрылся копотью, размок
весною пахнувший снежок.
В усадьбе сумерки и стужа.
В саду, на радость голубям,
блистает облачная лужа.
По старой крыше, по столбам,
по водосточному колену –
помазать наново пора
зеленой краской из ведра –
ложится весело на стену
тень лестницы и маляра.
Верхи берез в лазури свежей,
усадьба, солнечные дни –
все образы одни и те же,
все совершеннее они.
Вдали от ропота изгнанья
живут мои воспоминанья
в какой-то неземной тиши:
бессмертно все, что невовратно,
и в этой вечности обратной
блаженство гордое души.

1925

В раю

Моя душа, за смертью дальней
твой образ виден мне вот так:
натуралист провинциальный,
в раю потерянный чужак.
Там в роще дремлет ангел дикий,
полулавлинье существо.
Ты любознательно потыкай
зеленым зонтиком в него,
соображая, как сначала
о нем напишешь ты статью,
потом... но только нет журнала
и нет читателей в раю.
И ты стоишь, еще не веря
немому горю своему:
об этом синем сонном звере
кому расскажешь ты, кому?
Где мир и названные розы,
музей и птичьи чучела?
И смотришь, смотришь ты сквозь слезы
на безымянные крыла.

1927

Берлин

Примечания

1 В. Сирин. Возвращение Чорба (Рассказы и стихи). Берлин: «Слово», 1929

2 Прекрасная Лотарингка (фр.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Возвращение Чорба. Стихи. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!